

— Шторм. До утра парома не будет.

Эти слова означали, что Борису надо смириться, что он застрял здесь без малого на сутки. Влезть в автобус, вернуться на нём в Керчь, а там — выйти, чтобы слоняться по городу.

На раскалённых улицах — духота. Гроза, стремительная и желанная, бродила где-то за горизонтом.

“Ну, какой ещё шторм в такую погоду?..” В любой нормальной, привычной к материковым порядкам голове такое укладывается с трудом. Определив направление, он скоро вышел к набережной. Море било о берега под безоблачным небом. Брызги долетали холодные и освежающие.

Поодаль белые яхты и пёстрые катера сбились у причала, как куры на невидимом насесте. А совсем рядом огромный, будто всплывшее морское чудовище, нагруженный корабль медленно и грациозно менял курс, готовясь пришвартоваться. Несколько минут, замороженный зрелищем, как в детстве, Борис не мог оторвать от корабля взгляда.

Наконец, кипящие волны были побеждены, и исполин, покачиваясь, на самом малом ходу двинулся прямо.

— ...Если, оказавшись здесь, идти не торопясь, и оглядывать дома, читать вывески, вдыхать причудливую смесь запахов города и моря и сворачивать с новых на старые улицы, то город начнёт вам приоткрываться.

На тесном перекрёстке Борис догнал экскурсию и ненадолго задержался среди группы людей, внимавших приятному, поставленному голосу:

— И тогда под маской промзоны, стратегического порта и транспортно-го узла различается сначала недавняя история, отчаянная и героическая. Вы, конечно, уже слышали об Аджимушкайских каменоломнях, о ста семидесятидневной их обороне. О бессмертных героях Эльтигенского десанта. В честь тех и других названы улицы нашего города. До этого — времена чужих владений, когда город и окрестности были одними из самых дальних окраин Крымского ханства и его покровительницы — Блистательной Оттоманской Порты*. Ещё раньше был период запустения и упадка. Он не слишком хорошо отражён, да и незачем. А перед ним, до всего этого — далёкая эпоха расцвета столицы могучего царства**, бросившего вызов величайшей империи древности. Если бы война тогда завершилась по-другому, то и Центр мира, то самое место, куда ведут все дороги, могло быть не где-то в Риме, а прямо ЗДЕСЬ — в Пантикапее! — обладатель приятного голоса приподнялся на какую-то невидимую из-за спин ступеньку и оказался пухлым, с заметной залысиной гидом. Он сделал паузу и пристально оглядел своих подопечных, как будто решая, стоит ли ещё взвинтить пафос своей речи или же рассказать подходящий случаю анекдот.

Борис отразил долгий подозрительный взгляд соседки в пятнистой панамке, цепко прижавшей сумочку к животу, и заставил себя двинуться дальше.

— А там — знаменитая лестница без малого в полтысячи ступеней, — продолжал за спиной гид. — Мы на неё ещё поднимемся! — В ответ донёся восторженный и горестный гул.

* * *

Борис остановился под навесом с вывеской “ВИНО НА РОЗЛИВ”. Отвернулся от фруктов и бутербродов, — хотя в животе уже урчало от голода, — а взял только стакан каберне. “Денег-то в обрез. Ночевать придётся, сидя на переправе. Или на скамейке под платаном. Или... Или?..”

Огляделся. Через дорогу — старинный дом среди большого сада. Красная черепица над белой стеной. Такие крыши ему здесь не встречались.

— Кто там живёт? — спросил смуглого парнишку-продавца. Тот выглянул из-под навеса и наморщил лоб, припоминая.

— Самуил, — ответил, наконец. — Да, точно. Караим. Так его зовут.

Борис кивнул, опрокинул в себя последний глоток и двинулся в сторону дома. Даже не спросил, что за странная фамилия — Караим?

* * *

Тёмный Угол выгнал старика Самуила на крыльцо.

Самуил прошептал молитву, глядя на заросший переплетёнными кустами юг, и сразу отправился к выходу, держа в поле зрения стену, чтобы опереться, если устанет. Теперь вот сидел на скамейке по колено в тени — так что ступни пекло солнце — и никак не решался вернуться.

Фасад его дома выходит на одну улицу, сад — на другую. А Самуил — самый старый на них обоих. И как же долго у него никак не получается уме-

* Блистательная (Высокая) Порта — резиденция турецкого султана либо местопребывание турецкого правительства, а также наименование самой турецкой монархии.

** Гид неточен. Пантикапей (одно из названий Керчи в древности) был столицей Боспорского Царства, поглощённого Понтийским при Митридате VI Евпаторе, царе, активно противостоявшем Римскому государству.

реть. Это последняя его забота. В ящике стола под лампой лежит особая тетрадка с потрёпанными углами, где записано, кого звать на похороны. Раз в полгода он сверяется и уточняет: все ли приглашённые живы сами, в уме ли они и точно ли в силах приехать? Порой приходится вычёркивать и думать дальше.

Жаль, что уже нет Симы. Хорошо, что есть Майя, её сестра. Она обо всём позаботится и ничего не упустит. Зря только он ей ТАК сказал в тот раз. Но это, понятно, стариковское. И она, кажется, отошла от обиды. Но всё равно — зря...

* * *

Борис подошёл к ограде. И за каким лешим его сюда потянуло? Дом как дом, каменный, крепкий. Сад за ним видно, что хороший, хотя и малость запущенный. Но пугало в шляпе вон выставили от птиц, чтоб не так клевали. Ладно, постоит, посмотрит и решит, куда двинуть дальше — ничего страшного в этом нет.

Всё вокруг было тихо и неподвижно. Подняв голову, Борис понял, что прямо над ним нависла отяжелевшая ветка груши. Руки потянулись сами и сдёрнули два спелых плода. Почему не попробовать обмануть ими голод?..

Вдруг ему показалось, что пугало в шляпе пошевелилось и взмахнуло рукавом. А потом с глухим стоном опрокинулось назад, на горку насыпанного щебня. Борис тоже невольно вскрикнул. Из дома никто не появился. Тогда он поддел щеколду калитки и вбежал внутрь.

Шляпа отлетела в сторону. На щебне лежал старик и пристально смотрел на него.

— А спросить язык отсох бы? — глухо выговорил он, не отводя взгляда. — Не пацан уже.

Глупо. Ни на чём подобном Боря не попадался лет с одиннадцати.

— Вам помочь?

— Руку дай.

Опершись на молодую крепкую руку, старик снова сел на скамейку.

— Шляпу.

Борис наклонился и, стряхнув со шляпы пыль, подал ему. Старик водрузил шляпу на голову, чуть поправил.

— Спасибо.

Борис пожал плечами:

— Не за что.

— Ну что? Ешь.

Тут Борис заметил, что обе груши по-прежнему сжаты в другой его руке.

— Неудобно, — тихо ответил он.

— А рвать чужое — удобно? — И помолчав, старик решил: — Дай мне одну, а второй угощайся.

Откусив и старательно прожевав кусок сочной мякоти, хозяин сада представился:

— Я — Самуил.

— А меня Борис.

Старик улыбнулся краем губ:

— Присаживайся, Тебя-Борис, есть место.

* * *

Они сидели в доме за столом. Самуил показал гостю, где что искать, и тот сам выставил на стол и холодное мясо, и разогретые на плите фаршированные перцы, и козий сыр, и фрукты из сада, и округлую бутылку с крепкой многолетней настойкой.

— Будем знакомы! — решился на тост Борис.

Оба выпили до дна.

— А ты откуда сам? — выдохнув, спросил Самуил.

— Родился в Крыму. Но мы рано переехали, так что я почти ничего не помню.

— И так бывает, — согласился хозяин.

— Вы ешьте тоже, Самуил. Чего ещё положить?

— Доем — тогда и добавишь. Мне бы твой аппетит. И лет на двадцать пять поменьше.

— А вы скиньте мне из своих?

— Сам наживёшь и не заметишь.

Борис налил ещё “под перцы”.

— Я давно живу, — с усилием заговорил старик, — и с детства знаю, что у нас почётная фамилия. Моего деда помнят в Японии. До сих пор. В своём последнем бою он один убил восемнадцать самураев. Сначала у него был наган, потом — только сабля. Вон те ножны, — он кивнул на дальнюю стену, — от неё. На лезвии остались зазубрины от всех ударов. Вокруг него одного лежал взвод мёртвых солдат с командиром. Говорят, у тех, кто упал на спину, у всех были удивлённые молодые лица. Почести к его телу приходил воздаты сам их генерал. Саблю они вернули, но сперва выковали точно такую же и выставили в своём музее славы. Написали, что это — оружие великого воина*... Здесь? — он произнёс немой вопрос, который ожидал увидеть в Бориных глазах. — Нет, никто про него не знает.

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— А ваша почётная фамилия — Караим?

— Нет, бойдакь**. Караимы — это народ; его называли святым народом. И особая вера, которую предки считали самой верной. Мы не евреи, не татары, не литвины и не турки. Доводилось уживаться с ними со всеми. Мы одни чеканили монеты для Хана всего Крыма; наших сородичей брал телохраниителями Великий князь Литвы. Но отстаивать себя всегда выпадало самим.

— Я понял, — кивнул Борис.

— Ты мало что в этом понял, но слушай дальше. Я ушёл работать ещё совсем юнцом. Был чересчур худым, но очень настырным. И быстро научился прикрывать глаза своему страху. Потом пришла война, и я решил, что ни к чему от неё прятаться. До деда мне далеко, но своё дело я знал. Бывало, каждую ночь ходил за “языком”, жаль, что донести их живыми не всегда удавалось. За одного, которого посчитали особенно ценным, представили к ордену и сразу выдали трофеей — его “вальтер”. Два раза меня крепко задевало, но вернулся обратно с руками, с ногами и со всем, что нужно мужчине. Как раз тогда решили заново строить город. Вот этот дом уцелел — отделался несколькими шрамами, как и я, — Самуил приподнял руку и провёл пальцами вдоль стены, как бы проверяя. — А мы стали строить назло войне. В это время мне встретилась моя женщина, та самая, в чьи глаза не страшно смотреться до самой старости. И она что-то такое разглядела во мне. Мужчин в поре было тогда немного, но к ней уже сватались: и наши, и русские. Нам тогда казалось, что мы ждали очень долго, а сами обвенчались по старому обычаю уже через месяц.

— Знаешь, — отпив воды из кружки, продолжил Самуил, — я не рвался в начальники, однако меня ценили. Звали в другие города. Я уезжал на месяцы. Возвращался. Бывало, я вдруг дико ревновал её там, в сотнях километров. Я звонил самым близким и доверенным, с каждого требовал посмотреть за ней и сразу сообщить мне, но никто так и не узнал про неё ничего плохого. А к моим приездам у нас рождались дочери. Пять дочерей. По их повадкам я вновь убеждался, что все они — мои. Старшей уже нет. Так бывает редко, но её я любил и баловал больше всех. Мы дали ей нежное имя — произносишь, и будто цветок распускается.

* В основе реальный исторический факт героической гибели поручика караимского происхождения М. Ф. Тапсашара при обороне Порт-Артура в 1904 году.

** Бойдакь (bojdach) — парень (караим.).

- А как её звали?
- Айтолу. Это значит, полная Луна. Она родилась в полнолуние.
- Можно влюбиться в одно только имя.
- В неё было за что влюбиться. Святая правда. И говорю так не потому,

что я отец. После неё сильно ждал сына. Достойного правнука моему деду. А вместо него — новая дочь. Я очень переживал. Ждал и молился, подолгу и горячо, — и сын, пусть очень поздно, но должен был у нас появиться.

Я понял сразу, что в этот благословенный раз будет ОН. Мне казалось, что это видно уже по её животу. Другие сомневались, но у них-то не рождалось столько дочерей. Жена рассказывала счастливым шёпотом, что он бил изнутри не часто, но сильно и требовательно. По-мужски. Я купил ему колыбель и повесил в отдельной, его комнате. Он точно должен был вырасти красавцем и настоящим бабыром.

Только сначала родиться, задышать и заговорить.

Я всё и всюду успевал. Мне казалось, что кто-то скинул с меня лет двадцать, и я теперь могу взлететь без крыльев, на одной своей будущей радости.

И вот в один из дней на последнем месяце ожидания я вернулся из сада перед самой жарой и заглянул с порога в его комнату. Айтолу стояла там — не знаю, что на неё вдруг нашло, — и качала колыбель со своей старой куклой, и напевала ей. Что-то шептала от себя и снова напевала. Она стояла спиной и меня не видела. А об этом есть дурная примета. Глупое суеверие. По нему выходит, что младенцу не выжить. Я вспомнил об этом и едва не задохнулся. Язык не слушался, и я ничего не мог ей сказать. Она учуяла взгляд. И мой взгляд был такой, что она — совсем уже не маленькая девочка — прижала к себе ту проклятую куклу, выскочила отсюда и не появлялась в доме до самой ночи.

Роды были долгими. Ребёнок оказался слишком большим. Пять с половиной килограммов, как сказала потом сестра. Нужно было решаться, помочь ему и сделать то, что они называют “кесарево”. Но молодой врач так ничего и не сделал. Только успокаивал её и ждал. Рассчитывал, что сойдёт и так. У роженицы ведь были дети и все как-то выбирались сами.

А потом мой сын задохнулся...

Сказав это, Самуил сам задышал отрывисто, приподнялся было со стула и снова сел.

— В комнату... там, возле головы... справа, белая пачка...

Борис стремительно затопал по кухне и коридору и вернулся с таблетками.

Старик дошёл бы туда и сам, если бы не Тёмный Угол. Хорошо, что есть тот, кто о нём ещё не знает.

* * *

— ...как похоронил? Его принесли в деревянном гробике. Я сам копал могилу. Единственный раз после войны. Могильщики были не в обиде на меня. Яму длиной в неполный метр рыть дольше и труднее всего. Я закончил поздно вечером. А потом, на что-то надеясь, просидел на кладбище всю ночь и вернулся утром.

Жена быстро встала на ноги, но очень стыдилась себя в следующие дни. А у меня не получалось жить со всем этим. Я продал по хорошей цене вещи, заведомо не нужные моим женщинам: мотоцикл, мотор для лодки, парадные пиджаки. Потом снял все сбережения с книжки, добавил к ним деньги от этих продаж, завернул в пакет и положил дома, за известным только мне и жене кирпичом.

А на следующий вечер я пошёл к врачу в гости. Принёс с собой жареного барана и лучшего вина.

— Сегодня у нас будет Курбан*, — сказал я, — последний день траура.

* Курбан у караимов означает последний, а не первый (как у многих тюркских народов) день траура.

У него нашлось что-то вроде большого подноса, и мы сели вместе возле его дома. Врач знал свою вину. Сначала бормотал что-то невнятное, а потом перестал. Сидел, опустив голову.

— Ешь.

Помню, как судорожно он жевал, испуганно выглядывая из-за куска в своей руке. Казалось, от него даже пахло каким-то особым предсмертным потом.

— И пей.

Его глаза выпучились. Было видно, как входит в него каждый глоток, готовый оторваться. Добра от меня он точно не ждал. Но повиновался.

— А теперь будь мужчиной. И помолись, если есть кому молиться.

Доктор ошалело мотнул головой. Как я понял, это значило, что молиться он не станет.

Не торопясь, привычным движением я просунул руку за пазуху. Рукоять была тёплой — согрелась на груди. Этот трофейный ствол, как следует, смазан и надёжно заряжен. Осечек с ним не бывало — это я помнил и тогда, через четверть века после моих ночных вылазок.

Я смотрел на него в упор, дожидаясь, чтобы он поднял взгляд, когда с крыльца сошёл маленький сын доктора. У сына были огромные светлые глаза. Он был совсем крохой и пролепетал мне что-то радостное и доверчивое. Наверно, поздоровался, но разобрать непривычным ухом у меня не получилось.

Я вынул руку и поднялся. А доктор всё сидел со своей опущенной головой.

— Береги его, как он сегодня сберёг тебя, — сказал я на прощание. И тогда, услышав это, он весь задрожал.

Позже я видел доктора всего раз. На вокзале. Он суетился, подавая чемоданы в вагон. Поезд отходил через несколько минут. Я сделал шаг из-под навеса и остановился на освещённом месте, пристально глядя на него. И люди, даже те, кто очень спешил, молча обходили меня. Тогда я разглядел, что на виске у доктора выступила седина. Он всё копался во внутренних карманах, а потом сразу полез по ступенькам в вагон. Так и не поднял голову. И глаз не показал. Может даже, я ошибся, и в тот раз это был вовсе не доктор.

А через несколько лет дочери стали развешиваться. Ещё чуть позже, выдавав их всех замуж, во сне умерла моя жена. Я был ещё крепок и женился снова, но и она, моя Сима, опередила меня.

— А дочь Айтолу?

— Однажды она попала в крушение на море. Её тела так и не нашли. От неё растут чудесные внуки. Они у меня редко здесь бывают, но недавно зять прислал мне их фотографию.

Они вместе помолчали.

— Знаете, — негромко произнёс Борис, — мой отец — врач.

— Надеюсь, он хороший врач?

— Да. У него был мудрый учитель. А вы простили того врача за сына?

— Я же никого не тронул.

— А там, в сердце, где болит?.. Простили?

Самуил задумался, протянул руку и сам разлил им обоим. Поднял стакан и опрокинул залпом.

— Что смотришь, бойдакъ?

— Никогда не видел живого караима...

— А мёртвого карая?

— Надеюсь, никогда не увижу, — мотнул головой Борис. — Идёте спать?

— Иду. Только соберусь с духом и пойду.

— А что там?

— Знаешь, я стал бояться его — Тёмного Угла. Там, слева от изголовья. Там ничего, совсем ничего. Я раньше не думал, не приглядывался. Но там совсем ничего нет. Ни разу не пробежала по стенке ящерица. Паук не вьёт паутину. Кажется, даже мухи туда не садятся. И я таки уже очень старый.

Борис проводил его до кровати. Потом взгляделся, пытаясь определить, где этот самый страшный Угол, но так его и не различил. Упал на диван в другой комнате и уже ночью, очнувшись среди короткой, кипящей в листе грозы, увидел под потолком в отблеске молнии крюк для колыбели.

И накрылся покрывалом с головой.

Утром Борис проснулся от надсадного кашля из соседней комнаты. Он обулся, накинул рубашку и вошёл.

— Мои годы уже не такие лёгкие, — повернул голову Самуил.

— Если надо, я останусь.

— Нет, сынок, тут теперь нужен не ты. Встреть лучше Майю на переправе, она там работает. С виду такая полная, улыбается глазами, и волосы тёмные закальвает всегда вот так... — он с трудом приподнял кисть руки с неуклюжими скрюченными пальцами, чтобы показать. — Это сестра второй моей жены. Сегодня её смена. Она всё устроит, как надо.

— Тогда прощайте, Самуил!

— Иди, огълан*. — И уже в спину Борису донеслось: — Я простил его!

* * *

Шторм почти улёгся. Вдалеке к югу мерещились в дымке контуры исполинского судна. Борису мельком припомнился вчерашний маневр в порту.

Он вошёл в зал и, ещё не достав паспорт, заметил и узнал её. Обратился:

— Вы — Майя.

Она кивнула.

— Мне передали просьбу для вас. Когда освободитесь сегодня, то зайдите... — он зашнуровался и махнул рукой назад в утренний сумрак.

Майя сама назвала улицу и дом.

— Точно. Туда.

— Я обязательно зайду вечером.

Он прошёл досмотр быстро, без лишних вопросов.

С парома смотрел на уходящий крымский берег и думал сразу об отце и об этом неизвестном ему раньше народе; и о странном человеке, который вдруг отчётливо выступил из тумана младенческой памяти; и о таком нескончаемом горестном дне, и о том моменте, когда вот так невозможно становится поднять руку и убить.

Огромный корабль уже без груза с протяжным гудком уходил от берега в море.

* Огълан — сын, сынок.